

- Новгородова Э.А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 166 с.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия: Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории. – М.: Наука, 1989. – 380 с.
- Новоженков В.А.** Петроглифы Сары-Арки. – Алматы: Изд-во Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2002. – 126 с.
- Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А.** Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1990. – С. 146–153.
- Савинов Д.Г.** Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 94–100.
- Савинов Д.Г.** Антропоморфные изображения эпохи бронзы и раннескифского времени из восточной части евразийских степей // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. – СПб.: Фарн, 1993. – С. 23–26. – (ПАВ; № 6).
- Савинов Д.Г.** Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994. – 208 с.
- Савинов Д.Г.** Антропоморфная фигура на каменной плите из Есино III // Мировоззрения. Археология. Ритуал. Культура: Сб. статей к 60-летию М.Л. Подольского. – СПб.: Мир книги, 2000. – С. 119–125.
- Сагындал И.** Изображение коня в петроглифах Теректы аулие (Центральный Казахстан) // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 29–32.
- Самашев З.С.** Наскальные изображения Верхнего Иртыша. – Алма-Ата: Тұлым, 1992. – 286 с.
- Черемисин Д.В.** Петроглифы устья р. Чуи (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1990. – С. 162–165.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 319 с.
- Чугунов К.В.** Находка кинжала раннескифского времени из Юго-Западной Тувы // Новые исследования археологов России и СНГ – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – С. 85–86.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 397 с.
- Эрдэнэбаатар Д.** О некоторых итогах исследования хексуров в Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ: Изд-во Бур. ун-та, 2002. – С. 70–72.
- Kliachtornyi S.** Une “Ile de Paques” clans les montagnes de Mongolie // Les dossiers d’archeologie. 1994. – N 194. – P. 52–53.
- Leont'ev N., Kapel'ko V.** Steinstelen der Okunev – Kultur // Archäologie in Eurasien, Deutsches Archäologisches Institut, Eurasian Abteilung, – 2002. – Bd. 13. – 110 S.

Материал поступил в редколлегию 22.12.03 г.

УДК 903.5

А.П. Дружинина

*Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша
АН Республики Таджикистан
пр. Рудаки, 33, Душанбе, 734025, Таджикистан
E-mail: anjelinad@yahoo.com*

КРЫШКА КАМЕННОЙ ПИКСИДЫ С ЗООМОРФНЫМ ФРИЗОМ С ГОРОДИЩА ТАХТИ-САНГИН Новая находка на территории древней Бактрии

Место находки и ее описание

Городище Тахти-Сангин, на территории которого была обнаружена впервые публикуемая находка, находится на западном берегу р. Амударьи (греч. назв. *Oxos*) недалеко от ее начала, образованного слиянием рек Вахш и Пяндж. В ходе раскопок, проводившихся в 1976–1991 гг., на цитадели городища (рис. 1) удалось раскрыть монументальное культовое сооружение, названное по найденным в нем votивным надписям храмом Окса [Пичикян, 1991, с. 171; Drujinina, 2001, S. 261] и датированное в рамках конца IV в. до н.э. – IV в. н.э. [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 182–183]. Результаты исследований опубликованы в многочисленных статьях и монографиях (библиографию см.: [Там же, 2000, с. 416–452; Litvinskij, Pičikjan, 2002]).

Раскопки на новом этапе* направлены на изучение структуры всего городища методами шурфовки и получение дат для каждой его части [Дружинина, 2000, с. 240–261]. На южной и северной половинах городища были зафиксированы остатки многочисленных сооружений, датируемых по керамическому материалу и аналогиям с керамикой городища Ай-Ханум (Северный Афганистан) эллинистическим временем.

* Работы ведутся с 1998 г. археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии АН Республики Таджикистан при финансовой поддержке Фонда древнего искусства “МЕЦЕНОС” (Швейцария, Базель).

На южной половине городища (участок Юг-2) были исследованы остатки сооружения № 368, общая площадь которого с оградой составляет ок. 625 м². Функциональное назначение объекта может быть рассмотрено только после его полной расчистки. В 2003 г. в северной части этого сооружения раскопано прямоугольное помещение* с заглубленными в землю стенами из бутовых камней, сложенных в три-четыре ряда в высоту. В помещении под практически “чистым” глиняным заполнением найдены многочисленные фрагменты разбитых, полностью собираемых керамических сосудов и гипсовых чаш. В северо-восточном углу сохранились два небольших фрагмента изделия из серо-черного сланца с прорезанными по краю зубчиками, а в западной половине помещения – перевернутая крышка сосуда**, изготовленная также из серо-черного сланца (рис. 2).

Крышка достаточно хорошо сохранилась, но по всему периметру у нее отбит край, частью которого, как сначала казалось, могли являться два фрагмента, о которых говорилось выше. К сожалению, данное предположение не подтвердилось: фрагменты не соответствовали сильно поврежденным краям крышки. Возможно, они принадлежали какому-то другому каменному предмету.

* В работах на объекте принимали участие: М. Гафуров, А. Абидов, Ф. Алиев, М. Бобомуллов, С. Шерали.

** Музей Национальных древностей Таджикистана Института истории, археологии и этнографии АН Республики Таджикистан (далее МНДТ), инв. № 15003/1091.

Крышка (максимальный диаметр сохранившейся части 19 см) имеет достаточно заметный прогиб. Ручка крышки почти цилиндрической формы высотой ок. 2 см, диаметром 3,1–3,5 см. Внутренняя и внешняя поверхности предмета отполированы неодинаково: внутренняя имеет следы от инструмента и шероховатость, внешняя более гладкая. При расчистке крышку подняли без ручки и пластинок инкрустации, которые остались в плотной глине. В ходе реставрации положение ручки и всех найденных фрагментов инкрустации было восстановлено на предмете*. Ручка была вырезана вместе с крышкой из одного куска камня (предметы, у которых ручки изготавливались отдельно, найдены на городище Ай-Ханум [Francfort, 1984, p. 23; Guillaume, Rougeulle, 1987, p. 10]).

Внешняя поверхность крышки оформлена инкрустацией из тонких каменных пластинок и резьбой (рис. 3). Такое смешение техник характерно для некоторых аналогичных сосудов с Ай-Ханум, хотя большинство находок украшено с применением только одной техники [Francfort, 1984, p. 24]. Борт крышки имеет два узких и одно широкое орнаментальное поле. Узкое внешнее поле образует инкрустация из посаженных встык маленьких прямоугольных пластинок светло-желтого стеатита, сохранившихся только в виде мелких осколков. Узкое внутреннее поле инкрустировано чередующимися треугольниками из красной яшмы, светло-желтого стеатита и синего ляпис-лазурита. Пластины были вложены в специально углубленные в камне дорожки. Кроме орнаментальных полей, на участке между ручкой крышки и орнаментальной полосой из треугольников прочерчены три concentрических желобка. Узкими полями обрамлено широкое поле с зооморфным фризом. Фигуры животных разделены

* Все работы по очистке предмета от солей и восстановлению орнамента проведены мной.

Рис. 1. Городище Тахти-Сангин с цитаделью. Вид с северо-запада. 2003 г.

Рис. 2. Крышка пиксиды с городища Тахти-Сангин.

розетками, крестами и вытянутыми прямоугольниками, которые в таком сложном сочетании на крышках каменных сосудов встречаются впервые. Обычным мотивом зооморфного характера для находок с Ай-Ханум были фигуры трех бегущих или шести стоящих лошадей, повернутых парами друг к другу, либо чередующиеся изображения трех лошадей

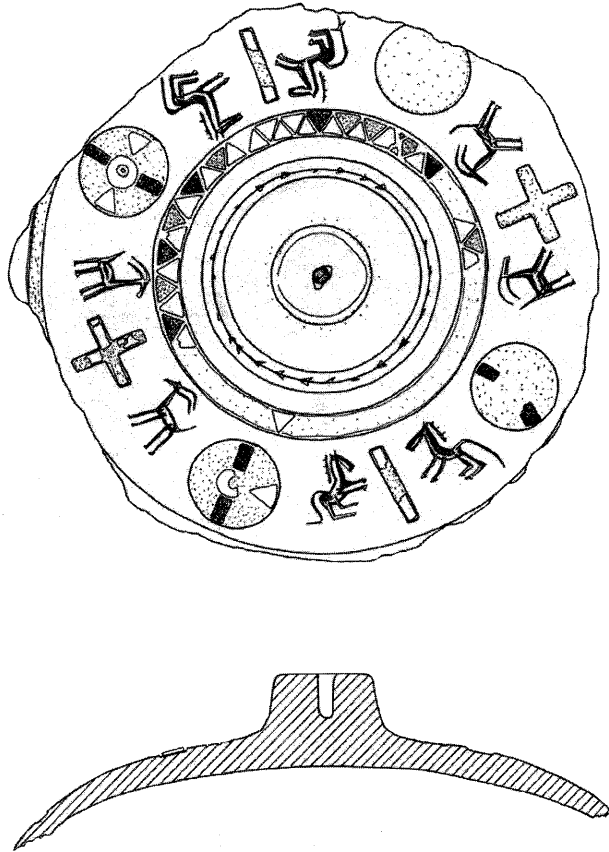

Рис. 3. Крышка пиксиды с городища Тахти-Сангин.
Вид сверху и разрез. Рисунок А. Салиева.

и трех баранов, бегущих по кругу (рис. 4). На описываемой крышке запечатлены по две пары лошадей и газелей. Каждая пара животных показана в профиль, фигуры повернуты друг к другу и разделены орнаментальным элементом: газели – крестом, лошади – вытянутым прямоугольником (рис. 5). Изображения выполнены в технике линейной резьбы очень аккуратно и профессионально. Хорошо проработаны мелкие детали – хвосты, верхние части конечностей всех животных, а также копыта и гривы лошадей. Одно изображение газели мастерски “посажено” на трещину в камне. Фигуры животных отличаются друг от друга по манере исполнения.

Пары животных отделены друг от друга розетками, составленными из отдельных каменных пластинок. В центре розеток – круглая вставка с отверстием, которую обрамлял узор из разных по цвету треугольников и прямоугольников. К сожалению, на найденном образце орнамент розеток сохранился лишь частично. Не удалось определить состав красного порошкообразного вещества, закреплявшего инкрустацию на сосуде. По визуальным наблюдениям, это порошок красной сангины, смешанный с каким-либо вяжущим веществом. Большое количество (в одном случае склад) легко размельчаемых палочек-заготовок сангины темно-красного цвета было обнаружено в античных слоях двух поселений на территории г. Душанбе. Окончательное заключение, возможно, будет дано после химических анализов.

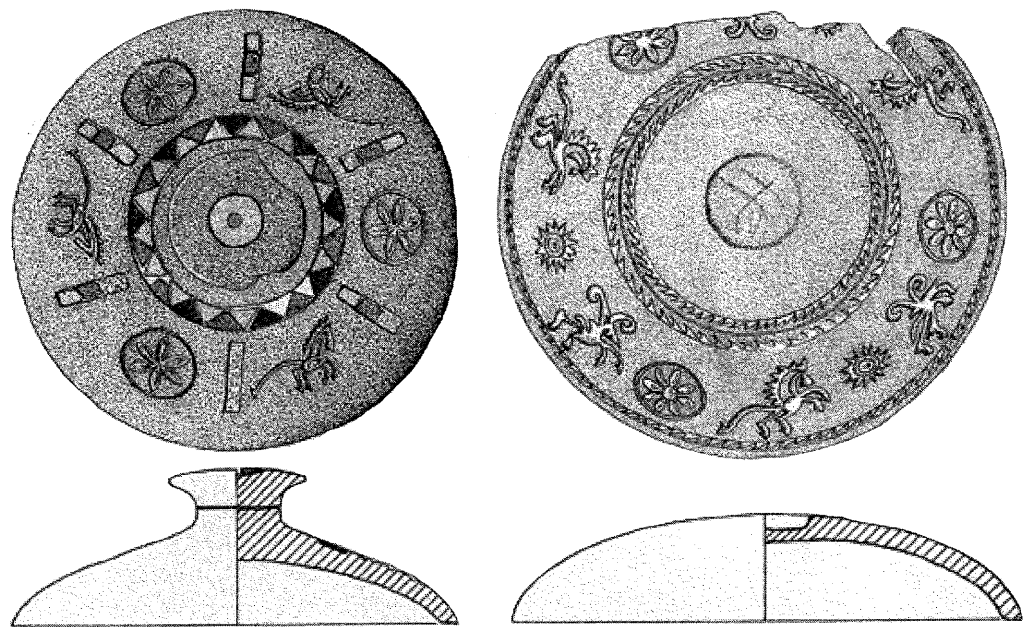

Рис. 4. Крышки пиксид с городища Ай-Ханум
(по: [Guillaume, Rougeulle, 1987, Pl. 6, 1, 4]).

Рис. 5. Фрагменты зооморфного фриза крышки пиксиды с городища Тахти-Сангин.

Назначение предмета и сравнения

Рассматриваемые каменные сосуды с крышками по функциональному назначению были отнесены к группе сосудов-пиксид, которые служили для хранения мазей, пряностей или украшений и изготовлялись в Греции из самых разных материалов [Francfort, 1976, p. 91; Der neue Pauly..., 1998, S. 671]. Подобные сосуды и их фрагменты с территории Центральной Азии были сделаны только из камня и условно отнесены к пиксидам; имеется короткое упоминание об образце из дерева [Болелов, 2003, с. 32]. Первоначально А.-П. Франкфор выделил две группы этих сосу-

дов – пиксиды-катушки и пиксиды-“бонбоньерки” [Francfort, 1976, p. 91]. Первые по форме напоминают греческие пиксиды, которые в эллинистическое время делали, как правило, из глины. Вторые исследователь связал по форме с древней местной традицией и позже назвал шкатулками с отделениями [Francfort, 1984, p. 22]. Не имея возможности привлечь какое-либо другое название из восточно-иранского языка или этнографический термин для определения обсуждаемого сосуда, я использую общее название для сосудов этой группы – пиксиды, которое отражает, как показали отдельные находки, их функциональное назначение. В одном сосуде, найденном в мавзолее

на Ай-Ханум, были обнаружены остатки красного вещества; изделие использовалось, возможно, для хранения косметических средств [Francfort, 1976, p. 92; Grenet, 1984, p. 71]. Крышка с городища Тахти-Сангин также могла быть частью пиксиды, в которой хранились украшения (фрагмент одного из них был найден здесь же, в раскопанном помещении). Это предположение вписывается в представление о таких сосудах как принадлежностях женского туалета, которые сопровождали женщину и в загробном путешествии, что хорошо известно по греческим надгробным изображениям. Однако пока мы не имеем достаточного количества прямых доказательств, позволяющих уверенно говорить о назначении бактрийских сосудов. При рассмотрении этого вопроса важно учитывать не только большой вес (крышка с городища Тахти-Сангин весит ок. 1 кг) и неудобство в обращении с крупными образцами, но и то, что пиксиды данной формы использовались позже в греко-буддийском контексте в качестве сосудов-реликвариев [Francfort, 1976, p. 96–98].

Такие пиксиды, как предполагалось ранее, не были широко представлены на территории Бактрии; они имелись только среди находок из восточной столицы Бактрии – городища Ай-Ханум [Ibid., p. 92]. Однако сегодня можно уверенно говорить о том, что эти сосуды со сложной или с простой орнаментацией получили достаточно широкое распространение и в провинции – в Северной Бактрии. Фрагменты нескольких таких сосудов без крышек с прочерченным желобком по краю (в желобке сохранились остатки красного вещества в виде полоски) были найдены в 1990-х гг. на территории античного городища в центре г. Душанбе*. Целые сосуды с крышками** были случайно найдены местными жителями на юге Таджикистана.

Как уже говорилось, по форме бактрийские сосуды-пиксиды не повторяли греческие образцы, а соответствовали местным традициям [Ibid.]. Даже самое короткое упоминание о многочисленных каменных сосудах эпохи бронзы, украшенных прочерченным орнаментом в виде треугольников, деревьев, змей или волнообразных линий, с территории Бактрии и Маргианы дает общее представление об основе развития этих сосудов [Sarianidi, 1986, S. 44–47, 51, 130; Сарияниди, 2001, табл. 9, 4; 2002, с. 125–126 и др.]. Для изучения ремесла камнерезов очень важны уникальные находки из погребения на городище Гонур в Маргиане. Там был найден полный набор инструментов мастера – нож с широким лезвием, абразивы, кремневое сверло, лекала, свинцовые и костяные стержни.

* МНДТ, коллекция с Душанбинского городища, б/н.

** Судя по фотографии, было не менее шести целых предметов; инкрустация утеряна; зооморфные фризы отсутствуют; вещи не опубликованы.

Они лежали в корзинке вместе с многочисленными кусочками минералов (бирюза, халцедон, горный хрусталь, яшма и др.) [Сарияниди, 2001, с. 71]. Безусловно, проведение параллелей между находками эпохи бронзы и эллинистического периода для территории Бактрии носит относительный характер в силу малой изученности промежуточных исторических периодов и отсутствия антропологического материала для этого времени, подтверждающего континуитет между населением эпохи бронзы и эллинистического времени на этой территории. И только выводы о том, что керамика Бактрии ахеменидского времени сформировалась на основе комплекса эпохи бронзы [Кузьмина, 1994, с. 10; Lyonnet, 1997, p. 118 и др.], позволяют прибегнуть к использованию сравнений с находками эпохи бронзы при исследовании других групп находок.

Необходимо отметить, что на территории Бактрии до сих пор не найдены каменные сосуды с инкрустацией, датируемые от бронзового века и до эллинистического периода. Это говорит не об их отсутствии вообще, а о том, что бактрийские памятники доахеменидского и ахеменидского времени, несмотря на количественный сдвиг в их изучении [Шайдулаев, 2000, библиография; Garden, 1998, p. 111–112, 161], так и остались во многом terra incognita. Известна серия произведений искусства, доказывающих использование техники инкрустации в ахеменидское время в Бактрии. Такие предметы зафиксированы среди вещей клада Окса (Амударьинский клад), в коллекции из храма Окса (городище Тахти-Сангин) и среди других находок с территории Бактрии [Амударьинский клад..., 1979, с. 45; Pitschikjan, 1992; Catalogue..., 2002, № 190a, p. 170 и др.]. Одним из ярких свидетельств продолжения традиции применения техники инкрустации в Бактрии во второй половине I тыс. до н.э. является золотая пластинка (размеры: 1,9 × 1,7 см) с перегородками и инкрустацией из камня и пасты из храма Окса*, на которой изображен человек, ведущий верблюда (рис. 6) [Пичикян, 1991, с. 85–86; Литвинский, Пичикян, 1992, с. 94].

Элементы фриза и дата находки

Обратимся к уже предложенным ранее трактовкам отдельных элементов украшения крышки. Например, мотив чередующихся треугольников на крышках пиксид с городища Ай-Ханум А.-П. Франкфор интерпретировал как изображение зубов собаки [Francfort, 1984, p. 24]. Правомерность такого определения, на первый взгляд, подтверждается при рассмотрении находки из храма Окса (рис. 7). Речь идет о навершии из стеатита (размеры: 10,8 × 3,8 см) в виде головы собаки с оспа-

* МНДТ, коллекция из храма Окса, инв. № 4202/1091.

Рис. 6. Золотая пластина с инкрустацией из храма Окса.

Рис. 7. Каменное навершие в виде собаки из храма Окса.

ленными зубами*. Зубы животного обозначены каменными разноцветными треугольниками [Древности Таджикистана..., 1985, с. 93, находка под названием “волк-дракон”; Oxus..., 1989, S. 46, № 15], идентичными тем, которые были использованы при оформлении рассматриваемого нами предмета. Различие состоит только в том, что на навершии, как бы соответствуя двум челюстям, чередуются треугольники двух, а на крышке пиксиды с городища Тахти-Сангин – трех цветов. По публикациям не удалось выяснить, пластинки скольких цветов использовались при оформлении крышек с городища Ай-Ханум. Необходимо отметить, что композиции из треугольников в искусстве Бактрии, Маргианы и Хорезма имеют очень глубокие корни, уходящие в эпоху бронзы; исследователями они трактуются как элементы солярных композиций [Sarianidi, 1986,

* МНДТ, коллекция из храма Окса, инв. № 1183/1091.

Рис. 8. Отпечаток амулета с изображением крылатого коня (по: [Sarianidi, 1986, с. 241]).

Рис. 9. Фрагмент каменной пластины с инкрустацией с городища Тахти-Сангин.

S. 51; Трудновская, 1967, с. 141, табл. 15, 6]. Конечно, выяснение предназначения самих сосудов-пиксид в Бактрии и их принадлежности к погребальным подношениям или к парадным и ритуальным сосудам определит трактовку этого орнамента соответственно как зубов собаки или как солярных символов.

Невозможно не обратить внимания на то, что фигуры тахти-сангинских и ай-ханумских коней при большом сходстве имеют отличительные черты: они различаются по постановке ног, углу наклона корпуса и качеству исполнения рисунка. По стилю изображения тахти-сангинские кони с городища более похожи на крылатого животного на каменном амулете (размеры: ок. 2,0 x 2,5 см) эпохи бронзы из Бактрии (рис. 8). Последний персонаж трактуется как крылатый лев [Sarianidi, 1986, S. 241], что не совсем правомерно; возможно, в этой фигуре воплощен образ крылатого коня. Прилучение в качестве аналога находке бронзового века

из Бактрии крышек пиксид с городищ Тахти-Сангин и Ай-Ханум представляется очень целесообразным: у крышек практически одинаковые мотивы зооморфных фризов, а различия проявляются лишь в нескольких деталях, по которым можно судить о разнице в хронологической принадлежности вещей. К сожалению, крышка с городища Тахти-Сангин, как и крышки с Ай-Ханум, может быть датирована только по общему археологическому контексту (в основном по керамическим комплексам) III–II вв. до н.э. [Francfort, 1976, p. 92, 94]. И только стилистические особенности изображений коней на крышке с городища Тахти-Сангин и их сходство с фигурой на находке эпохи бронзы позволяют предположить, что тахти-сангинская крышка была изготовлена несколько раньше, чем ай-ханумские.

Обращают на себя внимание и некоторые другие каменные предметы из Бактрии, которые можно было бы объединить с пиксидами в одну группу по хронологии и наличию инкрустации каменными вставками. Речь идет о плоских квадратных пластинах со сквозным отверстием, а также с инкрустированными полями вдоль края и большой круглой розеткой в центре. Такие пластины, определенные как пластины-оракулы или игральные доски, были найдены на городищах Ай-Ханум [Francfort, 1984, p. 26, pl. XIV, 15], Тахти-Сангин (рис. 9)* и Душанбинском городище**. Большое сходство этих пластин, изготовленных из местного сырья, по технике инкрустации и размерам свидетельствует об их бактрийском происхождении. Таким образом, рассмотренные в данной работе находки из камня (крышки пиксид, навершие в виде собаки, пластины с отверстием) представляют собой единую группу образцов еще мало изученного бактрийского искусства эллинистического и, возможно, доэллинистического времени.

И последнее, к чему хотелось бы вернуться в связи с рассмотрением тахти-сангинского фриза, – это трактовка А.-П. Франкфора зооморфных изображений на крышках из Ай-Ханум. Предлагая ее, исследователь ограничивается замечанием о том, что мотив можно назвать восточно-иранским или связать его с искусством “степи” [Francfort, 1984, p. 24]. Конечно, исходя из такой трактовки элементы зооморфного фриза на крышке с городища Тахти-Сангин можно рассматривать как композицию из фигур коней, которые символизируют свет, день или перевоплощенные божества, разделенных Древом жизни [Кузьмина, 2002, с. 59, 187, 226; Литвинский, Пичикян, 2000, с. 315–317], а также газелей, олицетворяющих ночь [Кузьмина, 2002, с. 202], разделенных защитными знаками – крестами [Хлопин, 1962, с. 14–21] и симметрично соединенных между собой солярными

знаками в виде розеток. Можно попробовать трактовать элементы фриза и в эллинистическом ключе, используя символы греческого искусства, однако и в этом случае не станет ясно, что же на самом деле хотели выразить Они – те, кто понимал смысл сочетаний этих элементов на этом “женском” по функции и совершенно “неженском” по символике предмете. Почему именно такие сосуды и их крышки были найдены практически целыми и не только в мавзолее или в храме на Ай-Ханум, а также на юге Таджикистана и на городище Тахти-Сангин? Почему эти сосуды уже без зооморфных фризов использовались в греко-буддийском контексте в кушанское время как сосуды-реликварии? На эти вопросы, как и на многие другие, пока нет ответов. Приходится признать, что сегодня, несмотря на то, что в XX в. на территории Бактрии проводились масштабные исследования, мы хорошо знаем только о том, из чего бактрийцы ели и пили в эллинистическое время, но не имеем представления о том, в кого Они верили и как провозжали в последний путь своих сородичей. Возможно, что-то новое о функциональном назначении бактрийских пиксид удастся выяснить после полной расчистки сооружения № 368 на городище Тахти-Сангин.

Список литературы

- Амударьинский клад:** Каталог выставки / Ред. Е.В. Зеймаль. – Л.: Искусство, 1979. – 96 с.
- Болелов С.Б.** Древнехорезмийский керамический комплекс по материалам Калалы-Гыр-2 // Центральная Азия: Источники, история, культура: Тез. докл. конф., посвящ. 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. – М.: Гос. Музей Востока, 2003. – С. 30–32.
- Дружинина А.П.** Раскопки на городище Тахти-Сангин: Предварительный отчет 1998–1999 года о работах на восточном участке цитадели // Археологические работы в Таджикистане. – 2000. – № 27. – С. 240–261.
- Древности Таджикистана:** Каталог. – Душанбе: Дошиш, 1983. – 219 с.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождения индоиранцев. – М.: Вост. лит., 1994. – 464 с.
- Кузьмина Е.Е.** Мифология и искусство скифов и бактрийцев (культурологические очерки). – М.: Рос. ин-т культурологии, 2002. – 288 с.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.** Золотые пластины из храма Окса (Северная Бактрия) // ВДИ. – 1992. – № 3. – С. 94–112.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.** Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). – М.: Вост. лит., 2000. – Т. 1. – 504 с.
- Пичикян И.Р.** Культура Бактрии: Ахеменидские и эллинистические периоды. – М.: Наука, 1991. – 344 с.
- Сарианиди В. И.** Некрополь Гонура и иранское язычество. – М.: Мир-медиа, 2001. – 245 с.

* МНДТ, коллекция из храма Окса, инв. № 757/1091.

** МНДТ, коллекция с Душанбинского городища, б/н.

Сарианиди В. И. Маргуш: Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. – Ашхабад: Türkmençöwlethabarlary, 2002. – 400 с.

Трудновская С.А. Изделия из металла, кости, камня, стекла и других материалов // Кой-Крылган-Кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. – М.: Наука, 1967. – С. 132–173. – (Тр. Хорезм. археол.-этн. экспедиции; Т. 5).

Хлопин И.Н. Изображения креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении // КСИИА. – 1962. – № 91. – С. 14–21.

Шайдулаев Ш. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. – Ташкент: Изд-во народного наследия им. Абдуллы Кодыри, 2000. – 126 с.

Catalogue of Treasures of Ancient Bactria. – Shigaraki: Miho Museum, 2002. – 253 p.

Drujinina A. Die Ausgrabungen in Taxt-i Sangin im Oxos-Tempelbereich (Süd-Tadschikistan): Vorbericht der Kampagnen 1998–1999 // Archäologischen Mitteilungen aus Iran und Turan. – 2001. – N 33. – S. 257–283.

Der neue Pauly // Enzyklopädie der Antike. – Stuttgart; Weimar: Verlag J.B. Metzler, 1998. – Bd. 10. – 1278 S.

Francfort H.-P. Les modèles gréco-bactriens de quelques reliquaires et palettes fards “gréco-bouddique” // Arts Asiatiques. – 1976. – T. 32. – P. 92–98.

Francfort H.-P. Fouilles d’Ai Khanoum III, Le sanctuaire du temple à niches indentées. – P.: Diffusion de Boccard, 1984. – 122 p. – (Mémoires de la Délégation Archéologique Française; T. 27).

Gardin J.-C. Description des Sites et Notes de Synthèse. – P.: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1998. – 371 p. – (Prospections Archéologiques en Bactriane Orientale; T. 3).

Grenet F. La Pratiques funéraires dans l’Asie centrale sédentaire de la conquête grecque à l’islamisation. – P.: Centre National de la Recherche scientifique, 1984. – 348 p.

Guillaume O., Rougeulle A. Fouilles d’Ai Khanoum VII, Les petits objets. – P.: Diffusion de Boccard, 1987. – 145 p. – (Mémoires de la Délégation Archéologique Française; T. 31).

Litvinskij B.A., Pičikjan I.R. Taxt-i Sangin. Der Oxus-Tempel. Grabungsbefund, Stratigraphie und Architektur. – Mainz/Rhein: Philipp von Zabern, 2002. – 158 S. – (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 4).

Lyonnet B. Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête arabe. – P.: Ministère des Affaires étrangères, 1997. – 447 p. – (Prospections Archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978); T. 2).

Pitschikjan I.R. Oxos-Schatz und Oxos-Templ. Achämenidische Kunst in Mittelasien. – Berlin: Akademie Verlag, 1992. – 155 S.

Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus Sowjetrepublik Tadschikistan: Katalog. – Zürich: Museum Rietberg, 1989. – 175 S.

Sarianidi W. Die Kunst des Altern Afghanistan. – Leipzig: VEB E.A. Seemann Verlag, 1986. – 348 S.

Материал поступил в редколлегию 9.02.04 г.

УДК 903.052

И.А. Дураков¹, Л.Н. Мыльникова²¹Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллойская, 28, Новосибирск, 630028, Россия²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mylnikova@archaeology.nsc.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ С МОГИЛЬНИКА ТАНАЙ-7*

Введение

Курганный могильник Танай-7 находится в Тогучинском р-не Новосибирской обл., на юго-западе Кузнецкой котловины в предгорьях Салаирского кряжа. Это местность с солончаковыми почвами и редкой степной растительностью. Две небольшие котловины с запада на восток разделены гривой. В одной из них расположены курганные могильники и одиночные курганы эпохи средневековья [Бобров, 1997, с. 138], в другой, связанной с оз. Танай, к настоящему времени зафиксировано более 20 археологических памятников разного времени. За последние 15 лет многие из них частично или полностью раскопаны сотрудниками Кузбасской лаборатории археологии и этнографии СО РАН, Кемеровского государственного университета и Тогучинским археологическим отрядом ИАЭт СО РАН; материалы частично опубликованы [Бобров, 1997; Бобров, Горяев, 2001; Бобров, Жаронкин, 1998, 2001; Бобров, Мыльникова, Горяев, 1997; Бобров, Мыльникова, Мыльников, 1999, 2001; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993; Бобров, Умеренкова, 1998; Мыльникова, Бобров, Горяев, 1998; и др.].

Могильник Танай-7 расположен на невысокой западной террасе оз. Танай (Танаев пруд) в 330 м от береговой линии, в 2,2 км к юго-западу от трассы

республиканского значения Новосибирск – Ленинск-Кузнецкий. Его площадь примерно 20 тыс. м². Из 24 курганов раскопаны 16, обнаружено 58 погребений.

Значительный интерес представляет группа металлических изделий из погребального инвентаря. Серия предметов с выразительными и хорошо сохранившимися следами литейного производства позволила реконструировать некоторые элементы этого процесса. К анализу привлечен и такой вид источников, как литейные пороки (залиты, недолиты, спай, шероховатости, газовые и усадочные раковины и т.д.), при описании которых мы использовали классификацию Г. Энтон, принятую Международным комитетом по литейным порокам [Атлас..., 1957, 1958].

По функциональному назначению весь набор рассматриваемых медно-бронзовых изделий можно разделить на орудия труда, производственные заготовки и украшения.

Орудия труда

Коллекция орудий труда довольно многочисленна, но однообразна и состоит из серии ножей (целых и в обломках) и игольника.

Ножи представлены пятью целыми изделиями и пятью обломками. Они обнаружены в погр. 3 кург. 9 [Мыльникова, Бобров, 1995, с. 90], погр. 7 кург. 23/24 [Бобров, Мыльникова, Мыльников, 2001, с. 226, рис. 2, 17]; погр. 3 кург. 3 [Бобров, Мыльникова,

* Работа выполнена на средства гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ (№ НШ-2286.2003.6) при финансовом содействии РГНФ (проект № 02-01-00335а).